

17-18

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

1938
КОГИЗ

Сборник статей и материалов о русской литературе XVIII века

Ленинградское отделение издательства Академии наук СССР выпускает второй том сборника «XVIII век».

Сборник включает статьи-исследования, ставящие основные проблемы изучения русской литературы XVIII века—проблемы демократизма и народности. Этим определяется и выбор писателей, которым посвящен сборник,—Радищев, Крылов, Чулков, Державин и Ломоносов.

Выдающийся интерес представляет работа молодого литературоведа Г. П. Макогоненко «О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева».

Радищев—одна из величайших проблем русской литературы XVIII века, еще весьма мало изученная в советской литературе.

«Нам больше всего видеть и чувствовать,—писал в 1914 г. В. И. Ленин,—каким насилиям, гнету и издевательствам подвергаются нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свертать попа и помещика» (Соч., т. XVIII, стр. 81).

Как философ Радищев приближается к последовательному материализму, и в этом отношении он опирается на учение французских просветителей XVIII века. Однако Радищев не был их пассивным учеником. Условия русской действительности XVIII века, жесточайшая эксплуатация, которой подвергались в XVIII веке русские крепостные крестьяне, заставили Радищева ко многим вопросам, в частности к вопросам революции, подойти острее и глубже, чем это могли сделать французские просветители.

В «Путешествии» и в некоторых других произведениях Радищева мы имеем своеобразную концепцию философского и социалистического мировоззрения, выросшую на русской почве, хотя и вобравшую все передовые элементы западной мысли. Уяснению философского мировоззрения Радищева и художественных достоинств «Путешествия» во многом помогает статья Макогоненко.

Буржуазные литературоведы причисляли композицию «Путешествия» к разделу типичных «сентиментальных путешествий», родоначальником которых был Л. Стерн.

«Путешествие» с точки зрения композиционной характеризовалось ими как ряд разрозненных очерков, связанных между собой исключительно путешествующим лицом. Каждая глава толковалась самостоятельно—вне связи с целым. За чисто формалистическими сопоставлениями буржуазные исследователи забывали основное—идею произведения.

Макогоненко доказывает цельность, монолитность «Путешествия». Отдельные главы «Путешествия» являются последовательным развитием основной идеи автора—оправдание права народа на борьбу с угнетателями. Постепенно, на протяжении всей книги, происходит идейное и нравственное обновление ее героя, формирование демократа-революционера. В показе формирования революционной личности и заключается основная «интрига» «Путешествия».

Радищев последовательно ведет своего героя от испытания к испытанию, от заблуждения к истине через ряд непосредственных столкновений с жизнью.

В этой блестящей демонстрации воздействия действительности на сознание путешественника сказалось материалистическое мировоззрение Радищева, во многом сумевшего преодолеть статичность и метафизичность французского энциклопедизма.

Радищеву же посвящена и статья покойного Я. Л. Барскова, по-новому ставящего вопрос об источниках главы «Торжок» «Путешествия из Петербурга в Москву».

Непосредственно к Радищеву и к связанному с ним кругу проблем примыкает тема о молодом Крылове. Крылов в молодости—радикал, демократический писатель, поэт, публицист, драматург, один из наиболее блестящих мастеров прозы XVIII столетия. Журналы Крылова—это расцвет острой прогрессивной, политической сатиры. Особый интерес представляет отношение Крылова к театру. Театр как мощное орудие пропаганды, завоевать который было очень важно для передовой литературы, привлекал к себе особое внимание молодого Крылова. Пьесам Крылова посвящена статья Г. Гуковского.

С темой о передовых, прогрессивных течениях в русской литературе XVIII века тесно связана проблема обращения к источникам народного творчества. Фольклор был в XVIII веке живой силой в быту почти всех слоев русского общества. В дворянской среде фольклор усиленно стилизовался и подводился под законы классического вкуса, а в демократической литературе XVIII века он был вполне ограничен. В связи с этим большой интерес пред-

ставляет статья А. Западова «Журнал М. Д. Чулкова «И то и сь» и его литературное окружение».

Чулков—колоритная фигура среди писателей XVIII века. Чулков известен как романист, историк, журналист, собиратель фольклора, этнограф и политэконом. Перу его принадлежит 21-томное «Историческое описание русской торговли», «Собрание русских песен», «Сказки русские народные», «Славянские сказки, или пересмешник», «Абевега, или словарь русских суеверий» и т. д. Чулков известен также как издатель журналов «Парнасский щепетильник» и «И то и сь».

Статья Западова отмечает значительное тяготение Чулкова к народному творчеству. Журнал «И то и сь» насыщен описаниями святок, гаданий, свадеб. Чулков помещает в нем народные песни, пословицы, поговорки, загадки.

Использование пословиц и поговорок довольно обычно в литературе XVIII века. Но в то время как у других, например у И. Богдановича в «Русских пословицах», они систематически искажались и «причесывались» под вкусы дворянской части читателей, Чулков бережно относится к ним, нисколько не стремясь их «облагородить».

Не менее колоритную фигуру представляет собой другой писатель XVIII века — Н. Эмин, взаимоотношения которого с Сумароковым посвящена особая статья Г. Гуковского. Эмин, проведший полную приключений жизнь, не раз менявший вероисповедание, много лет проживший в Турции, знавший английский, итальянский, испанский, португальский, польский и турецкий языки, по приезде в Россию очень быстро стал заметным демократическим писателем второй половины XVIII века. Ему принадлежит более 25 книг переводов, ряд назидательных сочинений, множество журнальных статей и т. д. Исследуемая Г. Гуковским тема «Эмин и Сумароков» имеет большой исторический интерес, так как она показывает столкновение двух течений русской литературы XVIII века — школы Сумарокова с первыми проявлениями влияния русской буржуазии в литературе.

Изучение вопросов демократической мысли и народности в литературе XVIII века теснейшим образом связано с третьей проблемой, затрагиваемой в сборнике, — вопросом о реализме в творчестве русских писателей этого времени. Конечно, реализма как законченного художественного мировоззрения не было еще у писателей XVIII века. Мы можем говорить лишь об элементах реализма в их творчестве.

В обширной статье «Изобразительное искусство в творчестве Державина» Е. Я. Данько оригинально и свежо трактует вопрос о реализме державинской поэзии. Данько показывает исключительную конкретность, предметность, живописность творчества Державина.

Тяготение к рисованию и живописи было у Державина еще с детства. Рисованию обязан он первыми шагами своей карьеры. Его чертежи и рисунки, сделанные пером, так понравились директору казанской гимназии, в которой учился Державин, что они были представлены вместе с работами некоторых других учеников куратору московского университета Шувалову. Шувалов был настолько доволен этими работами, что записал юных художников, по их желанию, в разные гвардейские полки, а Державина зачислил кондуктором в Инженерный корпус. Только исключительно тяжелая служба в Петербурге отвлекла Державина от живописи. Занятие живописью и интерес к ней оставили, однако, неизгладимые черты в его поэзии.

Державин непрерывно учился «смотреть» и подбирать точные слова для своих зрительных впечатлений. Он открыл поэтам глаза на русскую природу. Дмитриев писал о нем: «Часто заставлял я его стоявшим неподвижно против окон и устремившим глаза к небу. «Что вы задумались?» однажды спросил я. «Любуюсь вечерними облаками», отвечал он. И через некоторое время после того вышли стихи «К дому, любящему учение», в которых он впервые назвал облака «краезлатыми».

В поэзии Державин часто описывал произведения изобразительного искусства своего времени—здания Гваренти, живопись Левицкого, русский фарфор и резную холмогорскую кость, причем делал все это с удивительной точностью.

Многие мифологические и по внешности аллегорические образы Державина — не словесный орнамент, не рудимент классической отвлеченности, а словесное воплощение конкретных, виденных Державиным предметов. Создавая аллегории классического типа, например аллегории, прославлявшие Екатерину, Державин нередко черпал образы и краски из живописных аллегорий своего времени. Чтобы написать аллегорию, ему надо было видеть ее «своими глазами».

В своей поэзии Державин весьма часто «писал» типичные пейзажи, портреты, интерьеры и мертвую натуру. Его картины, посвященные снеди, не уступают по силе красок фламандской живописи.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки
красны,
Что смоль, янтарь, икра, и с голубым
пером
Там щука пестрая—прекрасны.
(«Жизнь Званская»).

На обширном материале Е. Я. Данько иллюстрирует эту «говорящую живопись» Державина, несущую в себе начала реализма.

Вступительная статья «Проблемы изучения русской литературы XVIII века» принадлежит Г. А. Гуковскому.

Д. Лихачев